

«В высшей степени примечательно, что Рафаэль, изучив манеру Перуджино подражал ей во всем настолько точно и решительно, что его копии невозможно было отличить от оригиналов учителя, и нельзя было установить никакой разницы между его вещами и вещами Пьетро»

Подвиг мастерства.

Описание картины «Сикстинская Мадонна»

Впитав, переработав, переосознав все, что привнесли в этот мир мастера слова и кисти, человек создает что – то новое, неизмеримо и глубоко индивидуальное, а значит – его собственное.

Через образы искусства мастер общается мыслью и чувствами не только со своими современниками, но и с их потомками. Любое мастерство обладает необъяснимой колдовской силой, которая живя в веках, действует на впитывающих его. Эта сила духа мастера, который в поисках способа запечатлеть лишь мгновение прекрасного делает свою жизнь подвигом, как и тот, образ которого он старался перенести на холст.

Прекрасное невозможно уловить сразу – с первой минуты. Так взгляд, брошенный на картину, подобен первому взгляду на необъятное море: чем дольше смотришь на него, тем больше с каждой секундой дух успокаивается, теряясь во времени и пространстве.

Как море завораживает своей необъятностью, так с первого же взгляда волей – неволей приковывает наш взор босоногая женщина, вышедшая из света.

Я с первого взгляда узнаю ее: дева Мария, несущая по облакам с небес на землю младенца Иисуса, готовая отдать его на подвиг ради спасения человечества. В первую минуту я теряюсь перед величием этой женщины, о которой я раньше только слухала, но не слышала. И вдруг, взгляд мой останавливается; мне кажется, что она спускается именно ко мне, задавая молчаливый вопрос: «Почему не слышала?!», а в глазах замечается оттенок укоризны. Осознание того, что слушать и слышать – это разные вещи, совершенно не рана, входит в меня под действием особой неведомой силы. И я уже по – другому смотрю на нее; не могу понять, почему меня охватывает то беспокойство, то предчувствие беды, то чувство безысходности, то вдруг мужество наполняет меня, и я знаю, что смогу все.

От переполняющих меня чувств к матери, я почти не обращаю внимания на младенца, на ее руках, с большими черными глазами, но нежность, с которой эти руки обнимают его, я ощущаю физически: будто эта нежность принадлежит мне, будто эти руки обнимают меня.

На ее лице нет ни тяжести душевного страдания, ни, тем более, муки, слез неминуемой утраты любимого сына.

Все это будет позже!

Прежде она будет молить ответить у креста с распятым сыном, сдерживая рыдания от раздирающих душу мук.

*«Предсмертные слабые стоны Его
До слуха Ея доносились,
И крупные слезы одна за другой
Из глаз Ея тихо катились.*

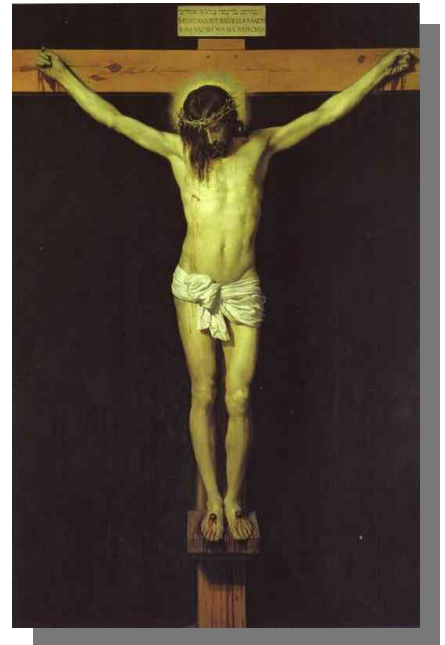
*Все муки Твои, всю позорную смерть
С Тобой разделить Я готова,
О дай же услышать из уст Мне Твоих
Святое желанное слово.»*

Всмотритесь!

Какая мать может вынести такие нечеловеческие муки своего дитя?! Даже мимолетный взгляд на картину Веласкеса “Распятый Христос” – не позволит нам пройти мимо нее – мимо изображенного на ней высвеченного, окровавленного тела, по-варварски распятого на кресте среди глубокой тьмы, хотя композиция картины кричаще проста.

Выхваченное светом тело Христа, выражает глубину всей напряженности противостояния этого света тьме, олицетворяющей старый мир. Этот мир взывал о помощи к матери, несущей по облакам с небес на землю младенца, этот же мир и распял их обоих на кресте: тело сына и душу матери.

Чем глубже мы всматриваемся в картину, тем больше мы растворяемся в реальности того времени; до нас доносятся его предсмертные стоны и мы видим бьющуюся в рыданиях мать:

*“О Сын Мой и Бог Мой, – шептала она –
Зачем ты так много страдаешь,
И с прежним приветом и с лаской живой,
Как прежде меня не встречаешь.”*

Как великую трагедию описывает Караваджо смерть Марии, с которой оборвалась единственная связующая нить уже обновившегося мира с Божественным Сыном и его Отцом. Многофигурная композиция еще полнее передает зрителю всю мощь скорби верующих людей, а с помощью контраста света и тени на полотне достигается эмоциональное напряжение характерное для событий того времени. Выражение лица Марии внушает зрителю тягостное ощущение жизни, полной страданий и мучительной смерти. Всмотритесь в картины Караваджо: “Се – Человек”, “Бичевание Христа”, “Положение во гроб”.

Она все это видела, слышала и чувствовала!

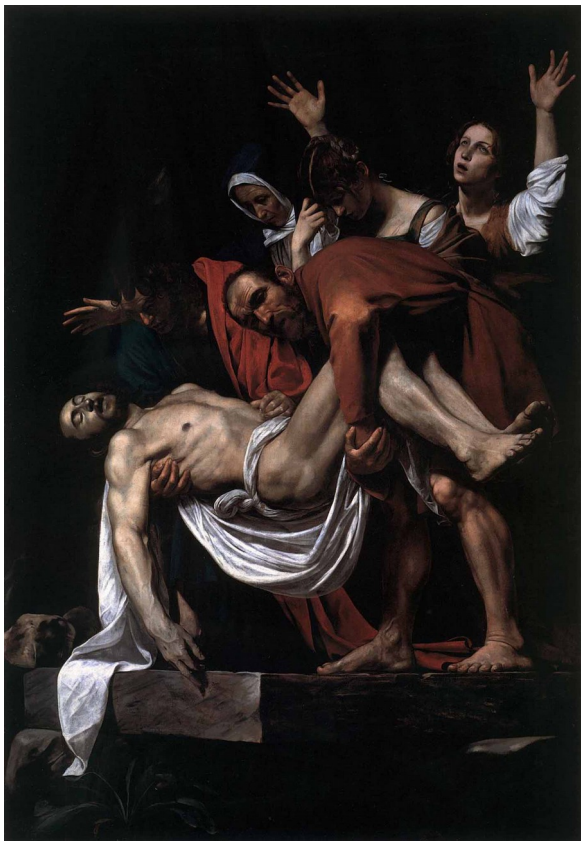
Во всех этих картинах особенно выразительно прослеживается стиль Караваджо: реалистичность, скрупулезность, использование света, как главного героя.

Однако, из всех картин “Положение во гроб” в наибольшей степени монументальна: группа персонажей расположена в строгой

последовательности, композиция строится по диагонали - от левого нижнего угла каменной плиты, развернутой в пространстве. Под воздействием света все становится ясным, живым, впечатляющим. Контрасты света и тени усиливают впечатление напряженности и значительности момента.

Физическая тяжесть душевного страдания, как горе всего человечества. Кажется, персонажи картины вот – вот передадут его если не зрителю, то кому – то, кто находится рядом с ним.

Туда в будущее Мария перенесла нас в своем взгляде показав полную страданий ее жизнь, умоляя нас не забывать подвиг ее сына, что бы жертва его не была напрасной. Но не только Мария призывает нас к этому. Как и многие другие художники, Рафаэль описывает подвиг жизни Христа, что становится не меньшим подвигом – он шел к написанию полотна “Сикстинская Мадонна” всю свою жизнь: емко и скрупулезно впитывая опыт предшественников, тщательно перерабатывая его, тем самым образуя свое собственное, глубоко индивидуальное.

Главная его цель была изобразить на полотне Марию и Христа настолько реалистично, чтобы она вела молчаливую беседу со зрителем, показывая и рассказывая все муки, которые ей и ее сыну пришлось пройти ради обновления мира.

Этот путь стал подвигом великого мастера!

